

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

Арктика и Север. 2026. № 64. С. 401–424.

Научная статья

УДК [378.1:327.7](470)(510)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.401>

Трансформация образа Российской Арктики в сознании студенческой молодёжи КНР: потенциал языковых программ

Зашихина Инга Михайловна^{1✉}, кандидат философских наук, доцент

Грива Ольга Евгеньевна², кандидат филологических наук, доцент

Лэ Сюй³, аспирант

^{1, 2, 3} Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, Россия

¹ zashikhinaim@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8217-2302>

² o.griva@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4423-7945>

³ 178090128@qq.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8092-2222>

Аннотация. В условиях сопряжения стратегий развития Северного морского пути и китайской инициативы «Полярный Шёлковый путь» гуманитарное измерение двустороннего партнёрства приобретает характер императива. В статье исследуется потенциал краткосрочных интенсивных образовательных программ как инструмента «мягкой силы», направленного на преодоление когнитивного разрыва в восприятии Российской Арктики китайской студенческой молодёжью. Целью работы является оценка эффективности данных форматов в трансформации образа региона и формировании системы верифицированных знаний об Арктике у граждан КНР. Исследование проведено в рамках методологии качественного кейс-стади, материалы собраны в ходе летней школы русского языка и культуры, проведённой на базе Северного (Арктического) федерального университета. Сбор данных реализован в два этапа по трём тематическим блокам: физико-географическому, историко-культурному и геополитическому. Дополнительно применён психолингвистический ассоциативный эксперимент для выявления латентных сдвигов в восприятии. Образовательная среда вуза рассматривалась как контролируемая экспериментальная база для оценки эффективности инструментов образовательной дипломатии; исследование проведено с соблюдением этических стандартов добровольности и деперсонализации данных. Результаты фиксируют рост уровня осведомлённости респондентов с 32% до 79% и качественный сдвиг в ассоциативном поле: от природных стереотипов к пониманию геоэкономической и технологической уникальности региона. Практическая значимость работы заключается в верификации образовательной дипломатии как эффективного механизма формирования пула лояльных международных экспертов.

Ключевые слова: Арктика, российско-китайское сотрудничество, мягкая сила, образовательная дипломатия, когнитивная трансформация, кейс-стади, Северный (Арктический) федеральный университет, Северный морской путь

* © Зашихина И.М., Грива О.Е., Лэ Сюй, 2026

Для цитирования: Зашихина И.М., Грива О.Е., Лэ Сюй. Трансформация образа Российской Арктики в сознании студенческой молодёжи КНР: потенциал языковых программ // Арктика и Север. 2026; 64: 401–424. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.401>

For citation: Zashikhina I.M., Griva O.E., Le Xu. Transforming the Perception of the Russian Arctic among Chinese University Students: The Potential of Language Courses. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 64: 401–424. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.64.401>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Transforming the Perception of the Russian Arctic among Chinese University Students: The Potential of Language Courses

Inga M. Zashikhina¹✉, Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor

Olga E. Griva², Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor

Xu Le³, Postgraduate Student

^{1,2,3} Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia

¹ zashikhinaim@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8217-2302>

² o.griva@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4423-7945>

³ 178090128@qq.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8092-2222>

Abstract. In the context of aligning development strategies for the Northern Sea Route and China's "Polar Silk Road" initiative, the humanitarian dimension of the bilateral partnership has become an imperative. The article explores the potential of short-term intensive educational programs as a "soft power" tool aimed at bridging the cognitive gap in the perception of the Russian Arctic among Chinese students. The study aims to assess the effectiveness of these formats in transforming the regional image and establishing a system of verified knowledge about the Arctic among PRC citizens. The study was conducted within the framework of a qualitative case study methodology. The materials were collected during a summer school of the Russian language and culture held at the Northern (Arctic) Federal University. Data collection was carried out in two stages across three thematic blocks: physical-geographical, historical-cultural, and geopolitical. Additionally, a psycholinguistic association experiment was used to identify latent shifts in perception. The university's educational environment was regarded as a controlled experimental base for evaluating the effectiveness of educational diplomacy tools; the study was conducted in accordance with ethical standards of voluntary participation and data depersonalization. The results indicate an increase in respondent awareness from 32% to 79% and a qualitative shift in the associative field: moving from environmental stereotypes to an understanding of the region's geo-economic and technological uniqueness. The practical significance of the work lies in the verification of educational diplomacy as an effective mechanism for developing a pool of loyal international experts.

Keywords: *Arctic, Russian-Chinese cooperation, soft power, educational diplomacy, cognitive transformation, case study, Northern (Arctic) Federal University, Northern Sea Route*

Введение

Сотрудничество Российской Федерации и Китайской Народной Республики в Арктике в текущем десятилетии приобрело черты устойчивого практического вектора, выйдя за рамки декларативных заявлений. Данная динамика детерминирована совпадением долгосрочных национальных интересов, что находит подтверждение в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей (Рекец, 2024; Погодин, Лун, 2024). Процесс сопряжения стратегий развития Северного морского пути и инициативы «Полярный Шёлковый путь» формирует конфигурацию евразийской экономики, в рамках которой арктические транспортные коридоры начинают выступать конкурентной альтернативой традиционным южным маршрутам (Зуенко, 2023). Как справедливо отмечается в современной политической аналитике, интерес Пекина к высокоширотным территориям носит не ситуативный, а доктринально оформленный характер и подкрепляется активной интеллектуальной работой элит по обоснованию особого статуса КНР в регионе (Ли Бо, 2024; Юнюшкина, 2025). Как следствие, ресурсы превращаются в фактор безопасности, а страна нацеливается на участие в глобальном управлении Арктикой (Рекец, 2024).

В условиях беспрецедентной трансформации миропорядка, начавшейся в 2022 г., и частичной заморозки деятельности Арктического совета со стороны западных государств российско-китайское взаимодействие приобрело характер стабилизирующего фактора в регионе (Харичкин, Шамаров, 2024). Однако успешная реализация макроэкономических проектов невозможна без формирования соответствующей социальной базы и комплексного гуманитарного обеспечения. Инструментарий «мягкой силы» в российско-китайском диалоге сегодня всё чаще базируется на синтезе рационального прагматизма и культурной эмпатии, что представляется критически важным для снижения турбулентности в системах межгосударственной коммуникации (Чжан, Керимов, 2024). Закономерным следствием данного тренда становится смещение акцентов двустороннего партнёрства с сугубо технократических и ресурсных параметров (объёмы добычи, инфраструктурные объекты) в сторону развития человеческого капитала и углубления межличностной коммуникации (Николаев, 2022). В экспертном дискурсе научно-образовательное взаимодействие всё чаще позиционируется как «четвёртое стратегическое направление» арктической политики КНР, дополняющее исследовательскую, экономическую и управленческую деятельность (Питухина, Белых, 2024). В контексте теорий «мягкой силы» экспорт образовательных услуг интерпретируется не как коммерческая деятельность, а как действенный геополитический механизм, направленный на формирование лояльных зарубежных элит, инкорпорированных в российское ценностно-смысловое поле (Лебедева, Фор, 2009; Зевелева, Кокунов, 2024). Именно образовательные обмены, в отличие от конъюнктурных торговых соглашений, создают фундамент долговременного стратегического партнёрства, сохраняющий устойчивость в периоды геополитической нестабильности (Рекец, 2024; Люй Пэйин, 2024).

Однако, несмотря на фиксируемый политологами высокий уровень межгосударственного диалога, на микроуровне наблюдается существенный когнитивный диссонанс. Эмпирические исследования демонстрируют, что для значительной части китайской аудитории, включая студенческую молодёжь, Российская Арктика продолжает оставаться *terra incognita* (Николаев, 2022; Зашихина, 2024). Репрезентация региона зачастую фрагментарна и мифологизирована, ограничена либо климатическими стереотипами, либо ресурсными клише, транслируемыми через массовую культуру и социальные медиа (Ли Юецзяо, Васильева, 2025). Данный разрыв между доктринальными установками элит и реальным уровнем информированности специалистов генерирует системные риски для долгосрочной эффективности двустороннего взаимодействия.

В сложившихся условиях особую значимость обретают краткосрочные интенсивные образовательные форматы, в частности, летние и зимние школы, позволяющие оперативно транслировать актуальную повестку и корректировать образ региона в сознании китайской молодёжи (Зевелева, Кокунов, 2024; Марьянчик, Попова, 2022). Уникальным полигоном для апробации данных технологий «мягкой силы» выступает Северный (Арктический)

федеральный университет имени М.В. Ломоносова, чьё геостратегическое положение и развитая научно-образовательная инфраструктура создают необходимые предпосылки для подобной деятельности (Андрейченко, 2022).

Теоретические подходы к осмыслению образования как ресурса «мягкой силы»

Концептуальное оформление феномена «мягкой силы», восходящее к фундаментальным трудам Джозефа Ная, базируется на понимании способности национального государства добиваться реализации внешнеполитических приоритетов не столько методами силового принуждения, сколько за счёт привлекательности собственного культурного кода, ценностно-мировоззренческих установок и модели институциональной организации (Nye, 2004). В канве современной внешнеполитической стратегии Российской Федерации институт высшей школы квалифицируется в качестве одного из наиболее действенных каналов трансляции данных ценностей, при котором академический авторитет государства органично проецируется на его международный престиж (Торкунов, 2012). Подготовка иностранных специалистов формирует долгосрочные социальные связи, способные эволюционировать в политикообразующий ресурс по мере инкорпорирования выпускников российских вузов в национальные элиты стран исхода (Лебедева, Фор, 2009).

Образовательная дипломатия в рамках настоящего исследования трактуется как многосоставной геополитический инструментарий «мягкой силы», ориентированный на формирование лояльного сегмента зарубежных элит, интегрированных в российское ценностно-смысловое пространство (Гутенев, Лагутина, Сергунин, 2023). В системе арктической политики обозначенное направление обретает статус её «четвертой стратегической опоры», органично дополняя научно-исследовательский, хозяйственно-экономический и административно-управленческий векторы деятельности (Рыжкова, 2012). В периоды геополитической турбулентности устойчивость партнёрства, развиваемого с помощью образовательной дипломатии, обеспечивается нематериальным активом — глубинным, на уровне индивидуального переживания интериоризированным эмоциональным капиталом участников академических обменов (Nye, 2004).

В контексте развития теоретических представлений о «мягкой силе» необходимо подчеркнуть, что российская политологическая школа вносит в эту концепцию существенные коррективы, акцентируя внимание не столько на пассивной привлекательности, сколько на активной деятельности государства по конструированию позитивного образа (Панова, 2012). В развитие данного тезиса исследователи отмечают, что эффективность такой деятельности сегодня всё меньше зависит от централизованного идеологического ресурса и всё больше — от способности региональных вузов выстраивать горизонтальные академические связи, основанные на принципах научного этоса, а не политической конъюнктуры (Сычев, Фофанова, 2025). Как справедливо пишет А.В. Торкунов, в современной системе международных отношений «мягкая сила» трансформируется в универсальный язык

международно-политической коммуникации (Торкунов, 2012). Применительно к высшей школе это означает, что университеты выступают не просто трансляторами знаний, а полноценными акторами-ретрансляторами «мягкой силы», генерирующими доверие к национальной модели развития через академическую мобильность и совместные исследовательские проекты. Данный подход позволяет рассматривать образовательную дипломатию как механизм формирования долгосрочного когнитивно-аксиологического фундамента международного сотрудничества, что особенно значимо в контексте высококонкурентной арктической повестки (Ефименко, 2025).

Достижение результативности в арктическом измерении напрямую сопряжено со способностью системы высшего образования осуществить трансформацию перцепции региона: сместить фокус восприятия с трактовки Арктики как природного феномена в сторону осмысления её как пространства геополитических ресурсов и стратегических возможностей (Кефели, Николаенко, 2021). Подобная переориентация установок диктует насущную необходимость отказа от примата экстенсивных количественных метрик в пользу качественных сдвигов в когнитивной сфере, где абстрактные геополитические конструкторы уступают место конкретному знанию, обретаемому посредством иммерсивного погружения в региональный контекст (Knight, 2023).

Эмпирические данные последних лет свидетельствуют, что, вопреки санкционному давлению и политике культуры отмены в западных странах, интерес граждан КНР к получению российского образования сохраняет устойчивую динамику, а руководство вузов осваивает новые инструменты привлечения абитуриентов (Чжан, Керимов, 2024). Результативность данного вектора подтверждается тем обстоятельством, что образовательные обмены создают условия для глубинного погружения в культуру страны-партнёра, формируя кадровый резерв для профессиональной коммуникации на площадках международного взаимодействия (Таланов, 2024).

Лингвистическое измерение сотрудничества: язык как ресурс суверенитета и влияния

В современном политическом дискурсе язык конституируется как фундаментальная основа нации, обеспечивающая воспроизводство национального самосознания в повседневных практиках. В условиях глобализации КНР рассматривает распространение китайского языка через сеть Институтов Конфуция в качестве инструмента сохранения собственной идентичности, а также для наращивания влияния в мире (Чжан, Керимов, 2024). По аналогичному вектору выстраивается деятельность фонда «Русский мир» и Россотрудничества, направленная на укрепление позиций русского языка как универсального транслятора российских ценностных ориентаций.

В контексте арктического взаимодействия русский язык обретает статус языка профессиональной коммуникации в сферах научной и логистической дипломатии. Как справедливо отмечается в литературе, обучение китайских специалистов русскому языку с

акцентом на арктическую проблематику способствует формированию общего терминологического пространства, что приобретает критическое значение при реализации мегапроектов уровня «Ямал СПГ» (Погодин, Лун, 2024). Эмпирические наблюдения на приграничных территориях (Забайкалье, Маньчжурия) фиксируют высокий латентный спрос на изучение русского языка: до 60% китайской молодёжи декларируют готовность к его освоению при наличии соответствующих условий (Топоркова, Чжоу Лися, 2015). С теоретико-методологической точки зрения, овладение языком представляет собой процесс формирования вторичной языковой личности, когнитивная картина мира которой обогащается дополнительными культурными кодами, что создаёт предпосылки для более глубокого взаимопонимания (Владимирова, Шарри, 2025).

Этнопсихологический профиль китайского студенческого контингента и специфика организации образовательной среды

Продуктивность образовательных инициатив в значительной степени детерминирована учётом социокультурных и психологических характеристик целевой аудитории. Когнитивные стратегии китайских учащихся формируются под воздействием национальной образовательной парадигмы и многовековых культурных традиций, что накладывает отпечаток на восприятие учебного материала и модели взаимодействия в академической среде (Денисов, Юань, Марченко, 2024). Среди характерных черт данной категории обучающихся исследователи выделяют доминирование визуального и аудиального каналов восприятия, выраженную ориентацию на коллективные формы деятельности, а также устойчивое уважение к академической иерархии и фигуре преподавателя.

Эмпирические наблюдения свидетельствуют, что наибольшая учебная мотивация у китайских студентов фиксируется при использовании мультимедийного контента, в особенности кинематографических и музыкальных произведений. Подобные форматы позволяют нивелировать языковой барьер и способствуют установлению эмоциональной связи с изучаемым материалом, что приобретает особую значимость в условиях межкультурной коммуникации. Показательным примером успешной адаптации образовательной среды выступает опыт Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, где была апробирована концепция «искусственно созданной языковой среды». В рамках данной модели взаимодействие с носителями языка интегрируется в повседневные практики обучающихся, что создаёт эффект естественного погружения в лингвокультурный контекст (Юн, Дубаков, Дубакова, 2025). Коррелирующие результаты получены в ходе работы Самарского государственного социально-педагогического университета: использование аутентичных материалов и технологий виртуальных путешествий продемонстрировало высокую эффективность в снижении культурных барьеров и ускорении процессов аккультурации (Кислова, Шалифова, Ключина, 2022).

Применительно к арктической повестке обозначенные подходы обретают

дополнительную значимость. Формирование образовательных траекторий для китайских студентов в рамках сезонных школ САФУ требует учёта описанных этнопсихологических особенностей (табл. 1). Интеграция мультимедийных компонентов, репрезентирующих «северный текст» русской культуры, а также создание условий для коллективного освоения материала и выстраивания иерархически организованной коммуникации с ведущими специалистами в области арктических исследований способны существенно повысить эффективность программ «мягкой силы» и закрепить позитивные установки в отношении Российской Арктики (Марьянчик, Попова, 2022).

Таблица 1

Этнопсихологический профиль китайских обучающихся

Характеристика китайских студентов	Влияние на образовательный процесс
Визуальная ориентация	Высокая эффективность видеоматериалов и инфографики
Традиция заучивания	Склонность к запоминанию больших объёмов данных
Межкультурный анализ	Желание сравнивать чужую культуру со своей
Эмоциональный капитал	Важность личного доверия к преподавателю / региону
Прагматизм в планах	Обучение как этап карьеры в глобальном контексте (Таланов, 2024)

Эмпирические исследования последних лет фиксируют устойчивый тренд: китайские студенты, проходящие обучение в российских вузах, в большинстве своём не разделяют установки политики культуры отмены в отношении России, оценивая её как иррациональную. Более того, значительная доля респондентов демонстрирует солидаризацию с позицией РФ по ключевым вопросам международной повестки и не испытывает дискомфорта в связи с санкционным давлением (Чжан, Керимов, 2024). Данный феномен может интерпретироваться как свидетельство формирования глубокого уровня доверия и лояльности, продуцируемого самой образовательной средой.

Согласно данным исследований 2024 г., для большинства граждан КНР обучение в России исходно позиционируется как этап построения глобальной карьерной траектории, нередко с ориентацией на последующую релокацию в США, Канаду или Великобританию. Однако в процессе академической социализации в российских вузах фиксируется существенная трансформация первоначальных намерений: порядка 33% выпускников бакалавриата принимают решение о продолжении обучения в российской магистратуре, а 20% магистрантов — о поступлении в аспирантуру (Давыдова, 2024). Приведённые данные свидетельствуют о том, что качественные характеристики образовательной среды обладают потенциалом модификации карьерных стратегий иностранных учащихся. Показательно также, что, несмотря на инфляционные процессы и волатильность валютного курса, лишь незначительная часть китайского студенческого контингента отказывается от продолжения обучения в РФ, что подтверждает устойчивость бренда российского образования (Кушнарёв, 2024).

Программы сезонных школ, реализуемые в Северном (Арктическом) федеральном

университете, выстраиваются на принципах этнометодики, предполагающей сопряжение языковой подготовки с освоением северного текста русской культуры (Zashikhina, Griva, 2024). Такой подход позволяет преодолевать стереотипные репрезентации Арктики как «ледяной пустыни», репрезентируя регион как живое культурное пространство (Марьянчик, Попова, 2022). Для китайских студентов, принадлежащих к поколению Z, значимыми факторами при выборе образовательной траектории выступают не только академическая составляющая, но и уровень безопасности, качество инфраструктуры, а также степень цифровизации сервисов вуза.

Методология исследования

Дизайн настоящего исследования выстраивался в логике междисциплинарного подхода, предполагающего сопряжение количественных методов оценки педагогической эффективности с качественным анализом социокультурных трансформаций. Эмпирическая база сформирована в ходе реализации краткосрочной летней школы русского языка и культуры, проводившейся на базе Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в период с июня по июль 2025 г.

Обоснование структуры выборки и её содержательной насыщенности

Эмпирическую основу работы составили сведения, полученные от 25 слушателей из Китайской Народной Республики (N=25). Контингент испытуемых был представлен обучающимися уровня бакалавриата и магистратуры ряда высших учебных заведений КНР, в число которых вошли:

- Шаньдунский педагогический университет;
- Шанхайский второй политехнический университет;
- Даляньский океанический университет;
- Шанхайский университет;
- Чанчуньский университет;
- Шэньянский технологический университет;
- Юйлинский университет;
- Хэйлунцзянский университет;
- Шанхайский университет иностранных языков.

В анализируемую совокупность были включены лишь те участники программы, чей показатель посещаемости превысил порог в 75% от общего объёма академических часов, кто демонстрировал вовлечённость в дискуссионные формы работы и своевременно выполнил установленный объём контрольных мероприятий.

Следует отдельно остановиться на аргументации объёма исследуемой когорты. Анализируя теоретическую полноту выборки, мы обратились к опыту качественных социогуманитарных изысканий. Исследователи отмечают, что основная масса

семантических единиц и кодовых категорий (до 80–90%) проявляется уже при обработке корпуса из 12–15 протоколов или транскриптов интервью (Guest, Bunce, Johnson, 2006; Hennink, Kaiser, Marconi, 2017). Вовлечение в анализ более ста единиц наблюдения неизбежно повлекло бы за собой утрату герменевтической глубины и формализацию интерпретативных процедур. Опираясь на концептуальные положения К. Мальтеруд, можно утверждать, что при условии гомогенности изучаемой совокупности (единая страна происхождения, тождественная образовательная программа) ценность данных, извлекаемых из каждого отдельного случая, возрастает кратно (Malterud, Siersma, Guassora, 2016). Для задач фиксации трансформации когнитивных структур на временном отрезке в три недели массив данных объемом 25 респондентов представляется вполне достаточным, поскольку позволяет избежать эффекта смыслового перенасыщения (Sandelowski, 1995; Malterud, Siersma, Guassora, 2016). Представленная группа обладает высокой степенью информационной ёмкости и сохраняет свойства репрезентативности именно в парадигме качественного подхода.

Образовательное пространство Северного (Арктического) федерального университета рассматривалось как верифицируемая экспериментальная площадка, предназначенная для апробации ресурсов «мягкого влияния». Процедура исследования реализовывалась с неукоснительным соблюдением этических императивов: респонденты принимали участие в опросе на добровольной основе, полученный массив сведений был анонимизирован и представлен в агрегированной форме.

Процедура сбора и структурная композиция эмпирических материалов

Фиксация сведений производилась в два этапа (входной и итоговый контроль). Исследовательский инструментарий (анкета) структурно включал три содержательных раздела:

- Раздел А (физико-географический): посвящён вопросам делимитации арктических территорий РФ и функционирования Северного морского транспортного коридора;
- Раздел Б (историко-культурологический): охватывал сюжеты, связанные с традициями поморского населения, летописью хозяйственного освоения региона и ролью М.В. Ломоносова в этом процессе;
- Раздел В (геополитический): затрагивал аспекты совмещения стратегических приоритетов России и Китая в высоких широтах, а также особенности нормативно-правового регулирования.

Применённый методологический аппарат был дополнен процедурой психолингвистического ассоциативного тестирования, нацеленной на экспликацию неочевидных трансформаций в сфере индивидуального и группового восприятия.

Качественные методы и ассоциативный эксперимент

С целью выявления глубинных трансформаций в восприятии региона, предполагающих переход от декларативных знаний к личностно присвоенным смыслам, в исследовательский инструментарий были интегрированы методы психолингвистики и визуальной социологии (Ли Юецзяо, Васильева, 2025; Владимирова, Шарри, 2025).

Метод свободных ассоциаций реализовывался через предъявление респондентам понятия-стимула «Российская Арктика» с инструкцией зафиксировать первые три существительных или прилагательных, возникающих в сознании. Сопоставление ассоциативных ядер (наиболее частотных реакций) на входном и итоговом этапах позволило объективировать динамику трансформации образа территории.

Творческая интерпретация как исследовательский приём нашла воплощение в финальном задании, предполагавшем разработку мини-презентаций на тему «Моя Арктика». Контент-анализ презентационных материалов проводился по критериям наличия маркеров эмоциональной вовлечённости и использования специфических региональных кодов (лексические единицы, визуальные образы), что в теоретической перспективе выступает индикатором эффективности реализуемых стратегий «мягкой силы» (Таланов, 2024; Давыдова, 2024).

Обработка эмпирических данных

Количественные показатели, полученные в ходе тестирования, подвергались обработке методами описательной статистики с расчётом процентных распределений и динамики прироста (в процентных пунктах). Качественные данные, репрезентированные ассоциативными рядами, были обработаны посредством процедуры семантической кластеризации. Все зафиксированные реакции классифицированы по категориям («Природно-климатические», «Ресурсно-экономические», «Культурно-гуманитарные»), что позволило визуализировать сдвиг фокуса внимания студентов под влиянием образовательного воздействия.

Результаты исследования

Когнитивная динамика: количественная оценка уровня подготовки

Входное тестирование, проведённое на начальном этапе реализации образовательной программы, позволило констатировать недостаточный уровень компетенций китайских студентов в отношении различных аспектов функционирования Российской Арктики. Средний показатель правильных ответов по выборке составил лишь 32%. Наибольшие затруднения у респондентов вызвали вопросы, связанные с исторической ретроспективой освоения северных территорий, административно-территориальным устройством Арктической зоны РФ, а также с узкоспециальными деталями эксплуатации Северного морского пути. Полученные результаты свидетельствуют о том, что до начала обучения Арктический регион воспринимался большинством учащихся как *terra incognita*, концептуализируясь исключительно сквозь призму климатических стереотипов, при

игнорировании исторического контекста и социокультурной специфики региона.

После завершения трёхнедельного образовательного цикла была зафиксирована выраженная положительная динамика: средний уровень верных ответов достиг 79%, что соответствует приросту в 47 процентных пунктов. Данный показатель является статистически значимым и наглядно демонстрирует эффективность методологии интенсивного погружения в лингвокультурную среду для формирования предметных знаний о регионе. Более детальный анализ динамики приращения знаний по тематическим блокам представлен в табл. 2.

Таблица 2

Когнитивная динамика знаний студентов КНР о Российской Арктике

Тематический блок	До программы (%)	После программы (%)
Географическое положение и климат	44	92
История полярных исследований	16	68
Геополитика и СМП	36	92
Культура и традиции народов Севера	28	64
Экология и устойчивое развитие	36	80
Среднее значение	32	79

Если посмотреть на цифры в табл. 2 подробнее, видно, что рост знаний по разным темам шёл неравномерно. Сильнее всего — на 56 процентных пунктов — выросли показатели в разделе «Геополитика и Северный морской путь». Это, скорее всего, говорит о том, что китайским студентам особенно интересны практические вещи: как устроены транспортные потоки, коммерческое судоходство. Они явно видят в этих знаниях базу для своей будущей работы. Хороший прирост — плюс 52 пункта — дал и блок по истории полярных исследований. Получается, нам удалось донести до аудитории российский взгляд на историю освоения Арктики, хотя на входе у большинства студентов этих знаний практически не было.

Показательно и другое: после окончания программы 92% участников могли без ошибок рассказать, где проходит Северный морской путь и в чём его плюсы по сравнению с традиционными южными маршрутами. Хотя вначале многие путали Севморпуть с Транссибом или имели очень смутное представление о его географии (например, не знали, что он тянется от Новой Земли до Берингова пролива). Значит, даже короткая образовательная программа смогла заполнить этот пробел и дать участникам первые профессиональные знания об Арктике.

Трансформация ассоциативного поля: от мифологизированных репрезентаций к концептуализации реальности

Качественный анализ результатов ассоциативного эксперимента позволил зафиксировать глубинные изменения в структуре восприятия региона, выходящие за рамки простого приращения фактических знаний. Ассоциативное поле, реконструированное на этапе входного тестирования, характеризовалось доминированием абстрактных и климатически детерминированных концептов. В ядро ассоциаций (наиболее частотные

реакции) входили лексемы: «холод» (92%), «лёд» (88%), «белый медведь» (76%), «снег» (64%) и «далеко» (52%). Подобная конфигурация ассоциативного поля позволяет заключить, что Арктика репрезентировалась в сознании китайских студентов как враждебная, малозаселённая и статичная территория, лишённая исторической динамики и экономической конкретики.

По завершении летней школы структура ассоциативного ядра претерпела радикальную трансформацию. На доминирующие позиции выдвинулись концепты, репрезентирующие геоэкономическую значимость региона и его культурно-историческую уникальность. Структура ассоциативного ядра на итоговом этапе исследования представлена в табл. 3.

Таблица 3

Структура ассоциативного ядра «Российская Арктика» (по итогам программы)

Ассоциация (после программы)	Частотность (%)	Категория
Северный морской путь	92	Геоэкономика / Логистика
Поморы	84	Культура / История
Дружба	80	Эмоциональный капитал
Ледокол	76	Технологии
Ломоносов	68	Наука / Образование
Перспектива	60	Будущее

Тот факт, что понятие «Северный морской путь» появилось в итоговых ассоциациях у 92% участников, говорит о многом. По сути, Севморпуть стал для них главным символом Российской Арктики — именно таким, каким он и должен восприниматься после знакомства с реальным положением дел. Не менее показательно и другое: 84% респондентов назвали среди первых ассоциаций «поморов». Это как раз тот случай, когда регион перестаёт быть безликим. Через знакомство с историей и культурой людей, которые веками осваивали эти суровые земли, Арктика обрела для студентов человеческое лицо, перестала быть просто холодным пространством на карте (Марьянчик, Попова, 2022). Данный результат может рассматриваться как эмпирическое подтверждение успешного преодоления стереотипной репрезентации Арктики в качестве безлюдного, статичного пространства и формирования её образа как территории жизни и трудовой деятельности уникальной этнокультурной общности. Данный вывод коррелирует с положениями работ, посвящённых роли историко-культурного компонента в структуре региональной идентичности (Марьянчик, Попова, 2022).

Эмоционально-ценностный сдвиг в восприятии объективирован появлением в ядре ассоциаций «дружба» (80%) и «перспектива» (60%). Подобная динамика может интерпретироваться как свидетельство формирования устойчивого позитивного эмоционального капитала в отношении Российской Арктики. Произошла трансформация восприятия региона с негативно окрашенного (угроза, экстремальность) на позитивно заряженное (возможности для профессиональной самореализации и межкультурного диалога). Высокий ранг ассоциации «ледокол» (76%) акцентирует уважительное отношение китайской аудитории к технологическому потенциалу России, что, согласно концепции

«мягкой силы», выступает значимым фактором привлекательности государства как партнёра в реализации сложных инфраструктурных проектов (Погодин, Лун, 2024; Лебедева, Фор, 2009).

Анализ периферийных зон ассоциативного поля фиксирует его качественное усложнение. Наряду с доминирующими концептами в ответах респондентов были зафиксированы такие образы, как «Малые Корелы», «арктическая кухня», «атомный флот», «научная станция». Подобная детализация свидетельствует о переходе от одномерного, климатически детерминированного образа к многомерной и фактурной репрезентации российского Севера, включающей культурно-этнографические, технологические и научно-исследовательские компоненты. Именно из таких — на первый взгляд периферийных, но очень ярких и личных — деталей и складывается то самое уникальное восприятие, которое невозможно получить из книг или статей в Интернете. Оно рождается только через собственный опыт, через живые впечатления. Значит, можно сказать, что программа сделала нечто большее, чем просто заполнила пробелы в знаниях. Она дала участникам основу для того, чтобы Арктика стала для них чем-то близким и лично значимым, а не просто ещё одной темой из учебника (см. рис. 1).

Рис. 1. Ассоциативная карта участницы школы¹.

Демифологизация Арктики как образовательная стратегия

В основу программы летней школы была заложена идея последовательной демифологизации Арктики. Речь шла о том, чтобы шаг за шагом заменять стереотипные образы, которые обычно транслируют медиа, на знания, подтверждённые наукой. Если говорить о структуре, то этот процесс можно разделить на три этапа. Каждый из них был рассчитан на определённый уровень восприятия и решал свои задачи по изменению того, как студенты думают и что чувствуют по отношению к региону.

Климатическая демифологизация. На данном этапе решалась задача деконструкции

¹ Источник: карта разработана участницей летней школы русского языка и культуры-2025.

устойчивого мифа об Арктике как о пространстве исключительно «вечной мерзлоты», сопряжённом с экзистенциальными угрозами. В ходе образовательных мероприятий студенты актуализировали знания о ландшафтном разнообразии арктических территорий, познакомились с урбанистической спецификой современных северных городов (Архангельск, Мурманск), обладающих развитой инфраструктурой, а также получали эмпирические подтверждения тому, что климатические условия Арктики в летний период могут характеризоваться как комфортные. Подобная репрезентация способствовала снижению биологически детерминированного страха перед регионом и, как следствие, повышению его туристической и образовательной аттрактивности в восприятии китайской аудитории.

Технологическая демифологизация. На этом этапе главной задачей стало разрушение ещё одного устойчивого мифа — будто Арктика представляет собой технологически отсталую окраину. В противовес этому стереотипу студентам показывали реальный облик российского присутствия в высоких широтах, где используются самые современные разработки. Речь шла об атомном ледокольном флоте, цифровых системах, которые обеспечивают навигацию по Северному морскому пути, а также о строительных решениях, позволяющих возводить объекты в условиях вечной мерзлоты. Для китайской молодёжи, которая очень чутко реагирует на всё, что связано с технологическими новинками, такая информация стала весомым аргументом в пользу того, что Россия действительно занимает лидирующие позиции в освоении Арктики и обладает уникальными компетенциями, которых больше нет ни у кого в мире.

Геополитическая демифологизация. Третий этап программы был посвящён пересмотру западных трактовок, которые представляют Арктику как зону неизбежного противостояния. Арктика концептуализировалась как пространство диалога, в котором интересы Российской Федерации и Китайской Народной Республики могут быть гармонизированы на принципах взаимной выгоды и долгосрочного стратегического партнёрства. Данный подход согласуется с концепцией «позитивной секьюритизации», предполагающей акцентирование кооперативного потенциала региона в противовес конфликтным сценариям (Рекец, 2024).

Эффективность реализованной стратегии демифологизации находит эмпирическое подтверждение в данных итогового тестирования: 80% участников выразили несогласие с утверждением, редуцирующим Арктику до «ледяной пустыни». В качественных ответах респондентов регион определялся как «территория будущего», «ресурсная сокровищница» и «ключевое звено глобальной логистики». Полученные результаты позволяют заключить, что образовательное воздействие способствовало переводу восприятия Арктики из плоскости сугубо «природного феномена» в плоскость «геополитического ресурса» и «пространства возможностей», что соответствует задачам формирования у иностранной аудитории адекватного понимания российских национальных интересов в регионе.

Роль Северного (Арктического) федерального университета в реализации стратегий «мягкой силы» на арктическом направлении

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова занимает особое место в институциональной архитектуре образовательной дипломатии Российской Федерации. Позиционируя себя как «ворота в Арктику», университет аккумулирует и адаптирует лучшие практики работы с иностранным студенческим контингентом применительно к специфике северного макрорегиона. Опыт реализации летней школы 2025 г. продемонстрировал, что интеграция лингвистической подготовки с профильным регионоведческим компонентом создаёт выраженный синергетический эффект, позволяя достигать результатов, недоступных при изолированном применении данных подходов.

Для китайского студенческого контингента САФУ выступил не только в роли образовательной институции, но и как институциональный гарант надёжности двустороннего партнёрства. Китайская культурная традиция, как известно, придаёт существенное значение статусу учебного заведения и его аффилированности с государственной повесткой. Тот факт, что САФУ имеет статус федерального университета, на который возложены задачи кадрового обеспечения Арктической зоны Российской Федерации, существенно повышает легитимность транслируемых знаний в восприятии китайской молодёжи, что согласуется с выводами исследователей, фиксирующих значимость институционального фактора в структуре образовательной привлекательности (Давыдова, 2024).

Накопленный в университете опыт включает обширную практику применения экспедиционных форматов обучения. В частности, проект «Арктический плавучий университет» можно квалифицировать как одну из наиболее иммерсивных методик образовательного погружения. При этом, даже в случае реализации программы на стационарной базе, обучающиеся получают возможность прямого диалога с научными сотрудниками, недавно завершившими полевые работы в высоких широтах. Подобная педагогическая архитектура придаёт транслируемым знаниям повышенную достоверность и способствует ощущению сопричастности к актуальным научным изысканиям.

Помимо этого, САФУ выполняет функцию консолидирующей платформы, где иницируются профессиональные контакты и прокладываются траектории долгосрочного сотрудничества. По завершении Летней школы 2025 г. значительная часть студентов выразила намерение продолжить своё академическое развитие в магистратуре или аспирантуре. Это следует рассматривать как маркер формирования стабильного канала привлечения одарённых иностранных абитуриентов — по сути, воронки рекрутинга. В данной парадигме краткосрочные образовательные модули выполняют функцию первичного апробирования российской системы высшего образования, что позволяет кандидатам сформировать обоснованные ожидания и минимизировать вероятность последующей социокультурной дезадаптации. Таким образом, подобные форматы способствуют расширению экспортного потенциала отечественного образования и, в стратегической перспективе, укреплению

гуманитарного влияния Российской Федерации на территории КНР.

Обсуждение результатов исследования

Полученные в ходе эмпирического исследования данные, фиксирующие трансформацию восприятия Арктического региона у китайских студентов — участников летней школы САФУ 2025 г., позволяют выйти на уровень концептуального осмысления потенциала краткосрочных образовательных форматов как инструмента реализации стратегий «мягкой силы» Российской Федерации. В условиях современной геополитической динамики, характеризующейся переориентацией векторов международного сотрудничества с западного на восточное направление (Погодин, Лун, 2024; Николаев, 2022), интенсивные образовательные программы обретают не только педагогическое, но и стратегическое измерение. Работа с иностранным студенческим контингентом сегодня конституируется как неотъемлемый компонент имиджевой политики государства и механизм формирования лояльных пророссийских элит (Махмутова, 2019). Опыт САФУ демонстрирует, что переход от абстрактных, мифологизированных репрезентаций Арктики к конкретным профессионально ориентированным концептам становится возможным именно благодаря адаптации образовательных стратегий к «новой реальности» в сфере экспорта образовательных услуг.

Когнитивная трансформация: от информационного вакуума к стратегической осведомлённости

Зафиксированная в ходе исследования когнитивная динамика — статистически значимый прирост уровня знаний с 32% до 79% — свидетельствует о преодолении того критического «когнитивного разрыва», который ранее идентифицировался исследователями в качестве существенного барьера для продвижения российского образовательного присутствия (Николаев, 2022). Тот факт, что максимальный прирост (+56 п.п.) был достигнут в блоке «Геополитика и Северный морской путь», позволяет интерпретировать данный результат как индикатор высокой прагматической мотивации китайской аудитории. Выявленная закономерность коррелирует с общей стратегической линией КНР, направленной на углубление вовлечённости в арктические процессы и практическую реализацию инициативы «Полярный Шёлковый путь» (Рекец, 2024).

Студенческая молодёжь КНР, принадлежащая к поколению Z, демонстрирует отчётливую ориентацию на получение знаний, обладающих прикладной значимостью для будущей профессиональной карьеры в условиях глобальной конкуренции. Результат, согласно которому 92% участников по завершении программы оказались способны корректно оценить роль Северного морского пути как альтернативной глобальной транспортной артерии, подтверждает эффективность образовательного формата в качестве канала трансляции стратегических приоритетов Российской Федерации. Принципиально важным представляется то обстоятельство, что, в отличие от декларативных политических заявлений, образовательный интенсив создаёт условия, в которых студенты самостоятельно приходят к

выводу о взаимовыгодности российского контроля над трассами Севморпути, интернализуя соответствующие установки на уровне личностных смыслов.

Качественная трансформация восприятия: от стереотипа к образу

Качественный анализ результатов ассоциативного эксперимента выявил фундаментальную реструктуризацию ассоциативного ядра — переход от доминирования природно-климатических концептов («холод», «лёд») к социокультурным и геоэкономическим репрезентациям. Появление в ядре ассоциаций концепта «поморы» с частотностью 84% может интерпретироваться как ключевой индикатор успешной демифологизации региона: Арктика обрела антропологическое измерение, будучи персонифицированной через историю и культуру конкретного субэтнуса (Андрейченко, 2022). Данная трансформация отвечает задачам формирования репутационного капитала страны через погружение в локальный контекст, или, пользуясь терминологией исследователей, через актуализацию «гения места». Смещение фокуса ассоциативного поля на «Северный морской путь» и «ледокол», как символ технологического присутствия, подтверждает, что в восприятии студентов регион начал концептуализироваться как сложная технологическая система, в рамках которой Россия обладает уникальными компетенциями, не имеющими аналогов в мировой практике (прежде всего в сфере атомного ледокольного флота). Подобная репрезентация представляется критически значимой для формирования у будущих представителей китайской элиты устойчивой уверенности в надёжности России как стратегического партнёра в высокоширотных проектах.

Полученные результаты в определённой мере контрастируют с выводами более ранних исследований, фиксировавших серьёзные трудности социокультурной адаптации китайских студентов, связанные с их склонностью к изоляции внутри национальных групп и высоким уровнем аккультурационного стресса, усугубляемого языковым барьером. Успех программы, выразившийся в том числе в появлении ассоциации «дружба» в ядре итогового ассоциативного поля (80%), доказывает, что краткосрочные интенсивные форматы обладают потенциалом для преодоления замкнутости национальных «пузырей».

Принципы интенсивного обучения — коммуникативная направленность, ситуативность, индивидуализация — позволяют в сжатые сроки сформировать атмосферу доверия и межличностной близости. Ускоренное погружение в рамках летней школы выступает своего рода «тест-драйвом» российской образовательной среды, существенно снижая порог вхождения в инокультурный контекст и формируя первичную лояльность, которая в дальнейшем может стать основой для выстраивания долгосрочных образовательных и профессиональных траекторий.

Стратегические измерения образовательной дипломатии в Арктике

Анализ полученных результатов позволяет заключить, что реализуемые в арктическом регионе образовательные программы успешно вписываются в обновлённые стратегии

«мягкой силы» обеих стран. Для Китая участие в подобных форматах выступает элементом реализации концепции двойной циркуляции, предполагающей качественное обогащение внутренних ресурсов через призму культурной уверенности и международного взаимодействия (Зиневич, Селезнева, 2022). Для России образовательная дипломатия в Арктике конституируется как действенный инструмент защиты национального суверенитета, реализуемый через формирование пула лояльных международных экспертов, способных выступать проводниками российских интересов в своих странах (Харичкин, Шамаров, 2021).

Проведённое исследование подтвердило, что для эффективной работы на китайском образовательном рынке недостаточно простого перевода контента на китайский язык; требуется глубокая смысловая адаптация содержания под ценности концепции «сообщества единой судьбы». Успех программы в САФУ стал возможен именно благодаря такой адаптации, в рамках которой российские интересы в Арктике были репрезентированы не как эгоистические устремления, но как органичная часть общего будущего двух держав, выстраиваемого на принципах взаимной выгоды и долгосрочного стратегического партнёрства.

Переход от «ресурсного» образа России в Арктике к образу технологического и научного лидера, способного обеспечить устойчивое развитие региона в интересах всего человечества, требует системных усилий со стороны государства, университетского сообщества и институтов гражданского общества по продвижению национальных интересов в глобальном гуманитарном пространстве. Для закрепления достигнутых результатов вузам необходимо усиливать цифровую составляющую продвижения, осваивая инструментарий SMM в китайских социальных сетях и мессенджерах (Baidu, WeChat), что позволит выстраивать непрерывную коммуникацию с целевой аудиторией за пределами краткосрочных образовательных интенсивов (Николаев, 2022).

Заключение

Проведённое исследование позволило осуществить комплексный анализ роли и результативности образовательной дипломатии в качестве инструмента формирования региональной идентичности и укрепления гуманитарного присутствия Российской Федерации в контексте российско-китайского сотрудничества в Арктической зоне. Эмпирические данные, полученные в ходе реализации краткосрочной летней школы на базе Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, подтверждают, что интенсивные образовательные форматы, как сезонные языковые школы, выступают статистически верифицируемым механизмом преодоления когнитивного разрыва и деконструкции стереотипных репрезентаций Российской Арктики в сознании китайской студенческой аудитории.

Научная новизна исследования заключается в теоретическом обосновании и эмпирической верификации перехода от экстенсивных, количественных, показателей

образовательной активности к качественным трансформациям в структуре восприятия региона. Посредством применения психолингвистического инструментария и метода ассоциативного эксперимента зафиксирована фундаментальная реструктуризация ассоциативного ядра: от доминирования природно-климатических концептов («холод», «лёд», «белый медведь») к геоэкономическим и социокультурным репрезентациям («Северный морской путь», «поморы», «ледокол», «дружба»). Установлено, что успешная трансформация образа Арктики из «ледяной пустыни» в «регион будущего и ключевое логистическое звено» достигается лишь при условии глубокой смысловой адаптации образовательных программ под ценностные ориентации китайской молодёжи, и прежде всего — под концепцию «сообщества единой судьбы», интегрирующую российские стратегические интересы в более широкий контекст двустороннего партнёрства.

Практическая значимость работы определяется доказательством высокой эффективности интенсивных образовательных форматов, реализуемых на базе САФУ, для решения задач «мягкой силы» в арктическом регионе. Выявленные в ходе исследования закономерности — доминирование визуального канала восприятия, критическая значимость эмоционального капитала для формирования устойчивых позитивных установок, выраженный прагматический интерес китайской аудитории к инфраструктурным проектам Северного морского пути — могут быть использованы при оптимизации экспортной стратегии российского высшего образования, а также при разработке целевых программ по привлечению и адаптации иностранных студентов из стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Чтобы укрепить гуманитарное присутствие России в китайском направлении, в дальнейшем стоит сосредоточиться на нескольких вещах. Во-первых, важно развивать цифровые каналы связи с целевой аудиторией — например, активнее работать в китайских соцсетях и мессенджерах вроде Baidu и WeChat. Это позволит не терять контакт со студентами после того, как краткосрочные программы заканчиваются. Во-вторых, нужно встраивать научно-образовательную деятельность в долгосрочную логику стратегического партнёрства двух стран. Речь о том, чтобы переходить от разовых мероприятий к выстраиванию целых образовательных маршрутов: от бакалавриата к магистратуре, затем к аспирантуре и дальше — к совместным исследовательским проектам. И в-третьих, требуется более глубокая смысловая адаптация учебных материалов под ценности китайской аудитории, но без потери фокуса на российских национальных интересах.

Если смотреть на результаты исследования в целом, становится понятно: образовательная дипломатия сегодня — это не просто педагогика, а полноценный стратегический ресурс. С его помощью формируется пул лояльных России зарубежных экспертов. Это создаёт основу для преемственности российско-китайского диалога в Арктике, выступает своего рода институциональной памятью и гарантирует устойчивость сотрудничества даже в случае геополитических колебаний. В будущем имеет смысл заняться сравнительным анализом разных моделей образовательной дипломатии, а также изучить, как

краткосрочные программы влияют на карьерные траектории иностранных выпускников и их готовность участвовать в совместных с Россией проектах.

Список источников

- Андрейченко Н.Н. Образовательное сотрудничество в арктическом регионе: опыт исследования // Россия: общество, политика, история. 2022; 2 (2): 2–11.
- Владимирова С.С., Шарри Т.Г. Культурные коды России в практике обучения иностранных студентов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2025; 217: 3–12. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2025-217-61-73>
- Гутенев М.Ю., Лагутина М.Л., Сергунин А.А. Российские университеты как акторы арктической научной дипломатии // Высшее образование в России. 2023; 32 (8–9): 70–88. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-70-88>
- Давыдова Т.Е. Опыт и перспективы использования «мягкой силы» образования в национальных интересах современного государства // Вестник Университета мировых цивилизаций. 2024; 15 (1 (42)): 11–16. <https://doi.org/10.24412/2587-6236-2024-142-11-16>
- Денисов Н.Г., Юань Цзяли, Марченко Н.О. О роли традиционной культуры в укреплении этнической идентичности в Китае и России // Культурная жизнь Юга России. 2024; 2 (93): 7–15. <https://doi.org/10.24412/2070-075X-2024-2-7-15>
- Ефименко А.М. Концептуальные и прикладные аспекты реализации российской «мягкой силы» в современных международных отношениях // Via in tempore. История. Политология. 2025; 52 (3): 754–764. <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2025-52-3-754-764>
- Зашихина И.М. Медиаобраз Арктики: решение задачи кадрового обеспечения региона // Арктика и Север. 2024; 57: 115–135. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.115>
- Зевелева Е.А., Кокунов К.А. Мягкая сила как инструмент внешней политики современной России // Человек. Общество. Инклюзия. 2024; 15 (2): 17–24. <https://doi.org/10.24412/2412-8139-2024-2-17-24>
- Зиневич О.В., Селезнева Н.В. Новая стратегия «мягкой силы» Китая // Вестник МГИМО-Университета. 2022; 15 (6): 36–54. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-36-54>; <https://www.elibrary.ru/LWTBHQ>
- Зуенко И.Ю. Российско-китайское сближение в контексте соперничества КНР и США: поиск отправной точки и оценка перспектив // Мировая экономика и международные отношения. 2023; 67 (11): 24–34. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-11-24-34>
- Кефели И.Ф., Николаенко А.В. Арктическая стратегия России в Большом Евразийском партнерстве // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021; 15 (4): 109–121. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-04-109-121>
- Кислова Н.Н., Шалифова О.Н., Ключина А.М. Международная летняя школа по русскому языку как иностранному в Самарском Государственном Социально-Педагогическом Университете (23.06.2021 — 4.08.2021) // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica. 2022; 21: 181–183. <https://doi.org/10.18778/1731-8025.21.16>
- Кушнарев Ф.Ю. Образование как элемент «мягкой силы» во внешней политике России в условиях динамики политических изменений // Мир русскоговорящих стран. 2024; 4 (22): 24–36. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-24>
- Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО-Университета. 2009; 6 (9): 6–12.
- Ли Бо. Формирование арктической политики Китая // Социально-политические науки. 2024; 14 (2): 106–112. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-2-106-112>
- Ли Юецзяо, Васильева Г.М. Образ Арктики в языковом сознании российских и китайских студентов (по данным психолингвистических экспериментов) // Мир науки, культуры, образования. 2025; 3 (112): 3–7.
- Люй Пэйин. Создание и сотрудничество китайско-российских арктических мозговых центров в вузах: контекст, позиционирование и пути развития // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024; 4 (50): 120–129. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-130-140>

- Марьянчик В.А., Попова Л.В. Знакомство с Арктикой и Русским Севером (опыт проведения дистанционных школ) // Арктика и Север. 2022; 47: 268–276. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.47.268>
- Махмутова Е.В. Анализ опыта работы с иностранными студентами в России и Китае // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019; 9 (6): 24–29. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-6-24-29>
- Николаев В.К. Экспорт образования в вузах России в условиях новой реальности // Высшее образование в России. 2022; 31 (2): 149–166. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-2-149-166>
- Панова Е.П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике: диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук. Москва: МГИМО (У). 2012; 197.
- Питухина М.А., Белых А.Д. Карельская Арктика в направлениях арктической политики Китая на современном этапе // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2024; 1 (35): 115–129. <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2024-1-115-129>
- Погодин С.Н., Лун Ц. Китайско-российское сотрудничество в Арктике на современном этапе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024; 18 (4): 120–129. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-120-129>
- Рекец М.О. Курс на Север: арктическая политика Китая в контексте глобальных геополитических изменений // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2024; 24 (3): 371–384. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-371-384>
- Рыжкова И.В., Сергеев А.М. Образовательное пространство Баренцева Евро-Арктического региона // Научный диалог. 2012; 10: 34–52.
- Сычев А.А., Фофанова К.В. Образовательная дипломатия: формирование новой модели (на примере взаимодействия России и Юго-Восточной Азии) // Интеграция образования. 2025; 29 (4): 610–625. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.029.202504.610-625>
- Таланов С.Л. Экспорт российского высшего образования как инструмент «мягкой силы» // Социально-политические исследования. 2024; 1 (22): 68–83. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-68>
- Топоркова Е.П., Чжоу Лися. К вопросу исследования восприятия имиджа территорий России в Китае: приграничный аспект // Региональные проблемы. 2015; 18 (1): 48–51.
- Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012; 4 (25): 85–93.
- Харичкин И.К., Шамаров П.В. Гуманитарная деятельность как мягкая геополитическая сила современной России // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2021; 1 (842): 35–52. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2021_1_842_35
- Чжан Ю., Керимов А.А. «Мягкая сила» во взаимоотношениях Китая и России: направления и механизмы реализации // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2024; 47: 100–110. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.47.100>
- Юн Л.Г., Дубаков Л.В., Дубакова А.А. Лингводидактические возможности использования кинофильмов в аспекте преподавания русского языка как иностранного китайским учащимся в условиях неязыковой среды // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2025; 1: 3–11. <https://doi.org/10.24412/2225-8264-2025-1-944>
- Юнюшкина А.С. Арктическая стратегия Китая: внешняя политика при Си Цзиньпине (в период с 2013 по 2024 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2025; 4: 204–210. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.4.27>
- Guest G., Bunce A., Johnson L. How Many Interviews Are Enough?: An Experiment with Data Saturation and Variability // Field Methods. 2006; 18 (1): 59–82. <https://doi.org/10.1177/1525822X05279903>
- Hennink M.M., Kaiser B.N., Marconi V.C. Code Saturation Versus Meaning Saturation: How Many Interviews Are Enough? // Qualitative Health Research. 2017; 27 (4): 591–608. <https://doi.org/10.1177/1049732316665344>
- Knight J. Knowledge diplomacy: the role of international higher education, research and innovation in international relations. In book: International Encyclopedia of Education (Fourth Edition). Elsevier. 2023; 202–209. <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-818630-5.02035-2>

- Malterud K., Siersma V.D., Guassora A.D. Sample Size in Qualitative Interview Studies: Guided by Information Power // *Qualitative Health Research*. 2016; 26 (13): 1753–1760. <https://doi.org/10.1177/1049732315617444>
- Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 2004; 191.
- Sandelowski M. Sample size in qualitative research // *Research in Nursing & Health*. 1995; 18 (2): 179–183. <http://dx.doi.org/10.1002/nur.4770180211>
- Zashikhina I., Griva O. Evaluating the impact of short-term Russian language and culture programmes on adult learners // *Training, Language and Culture*. 2024; 8 (4): 74–85. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2024-8-4-74-85>

References

- Andreychenko N.N. Educational Cooperation in the Arctic Region: Research Experience. *Russia: Society, Politics, History*. 2022; 2 (2): 2–11.
- Davydova T.E. Experience and Prospects of Using the “Soft Power” of Education in the National Interests of the Modern State. *Bulletin of the University of World Civilizations*. 2024; 15 (1 (42)): 11–16. <https://doi.org/10.24412/2587-6236-2024-142-11-16>
- Denisov N.G., Yuan Jiali, Marchenko N.O. On the Role of Traditional Culture in Strengthening Ethnic Identity in China and Russia. *Cultural Studies of Russian South*. 2024; 2 (93): 7–15. <https://doi.org/10.24412/2070-075X-2024-2-7-15>
- Efimenko A.M. Conceptual and Practical Aspects of Implementing Russia's “Soft Power” in Contemporary International Relations. *Via in Tempore. History and Political Science*. 2025; 52 (3): 754–764. <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2025-52-3-754-764>
- Guest G., Bunce A., Johnson L. How Many Interviews Are Enough?: An Experiment with Data Saturation and Variability. *Field Methods*. 2006; 18 (1): 59–82. <https://doi.org/10.1177/1525822X05279903>
- Gutenev M.Yu., Lagutina M.L., Sergunin A.A. Russian Universities as Actors of Arctic Science Diplomacy. *Higher Education in Russia*. 2023; 32 (8–9): 70–88. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-70-88>
- Hennink M.M., Kaiser B.N., Marconi V.C. Code Saturation Versus Meaning Saturation: How Many Interviews Are Enough? *Qualitative Health Research*. 2017; 27 (4): 591–608. <https://doi.org/10.1177/1049732316665344>
- Kefeli I.F., Nikolaenko A.V. Russia's Arctic Strategy in the Greater Eurasian Partnership. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2021; 15 (4): 109–121. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-04-109-121>
- Kharichkin I.K., Shamarov P.V. Humanitarian Activities as a Soft Geopolitical Power of Modern Russia. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 2021; 1 (842): 35–52. https://doi.org/10.52070/2500-347Kh_2021_1_842_35
- Kislova N.N., Shalifova O.N., Klyushina A.M. Russian Language Course at International Summer School of Samara State University of Social Sciences and Education (23.06.2021 – 4.08.2021). *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Linguistica Rossica*. 2022; 21: 181–183. <https://doi.org/10.18778/1731-8025.21.16>
- Knight J. Knowledge Diplomacy: The Role of International Higher Education, Research and Innovation in International Relations. In: *International Encyclopedia of Education (Fourth Edition)*. Elsevier, 2023: 202–209. <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-818630-5.02035-2>
- Kushnarev F.Yu. Education as an Element of “Soft Power” in Russia's Foreign Policy in the Context of Dynamic Political Changes. *World of Russian-Speaking Countries*. 2024; 4 (22): 24–36. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-24>
- Lebedeva M.M., Fort J. Higher Education as Soft Power Potential of Russia. *MGIMO Review of International Relations*. 2009; 6 (9): 6–12.
- Lee Bo. Shaping China's Arctic Policy. *Sociopolitical Sciences*. 2024; 14 (2): 106–112. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-2-106-112>
- Li Yuejiao, Vasileva G.M. Environmental Concepts in the Linguistic Consciousness of Russian and Chinese Students (Based on the Data of Psycholinguistic Experiments). *The World of Science, Culture and Education*. 2025; 3 (112): 3–7.
- Lv Peiying. Establishment and Cooperation of Sino-Russian Arctic Think Tanks in Universities: Context,

- Positioning, and Pathways. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2024; 4 (50): 120–129. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-130-140>
- Makhmutova E.V. Analysis of Work Experience with International students in Russia and China. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019; 9 (6): 24–29. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-6-24-29>
- Malterud K., Siersma V.D., Guassora A.D. Sample Size in Qualitative Interview Studies: Guided by Information Power. *Qualitative Health Research*. 2016; 26 (13): 1753–1760. <https://doi.org/10.1177/1049732315617444>
- Maryanchik V.A., Popova L.V. Learning about the Arctic and the Russian North (Experience of Distance Schools). *Arktika i Sever [Arctic and North]*. 2022; 47: 268–276. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.47.268>
- Nikolaev V.K. Exporting Russian Higher Education in the Conditions of a New Reality. *Higher Education in Russia*. 2022; 31 (2): 149–166. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-2-149-166>
- Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, Public Affairs; 2004. 191 p.
- Panova E.P. “Soft Power” as a Way of Influencing World Politics: *Cand. Polit. Sci. Diss.* Moscow, MGIMO Publ.; 2012. 197 p. (In Russ.)
- Pitukhina M.A., Belykh A.D. The Karelian Arctic in the Directions of China’s Arctic Policy at the Present Stage. *Arctic XXI Century. Humanitarian Sciences*. 2024; 1 (35): 115–129. <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2024-1-115-129>
- Pogodin S.N., Long C. Chinese-Russian Cooperation in the Arctic at the Present Stage. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2024; 18 (4): 120–129. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-04-120-129>
- Rekets M.O. China’s Arctic Policy in a Time of Global Geopolitical Transformation: A Northern Orientation. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2024; 24 (3): 371–384. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-371-384>
- Ryzhkova I.V., Sergeev A.M. Educational Space of Barents Euro-Arctic Region. *Nauchnyi Dialog*. 2012; 10: 34–52.
- Sandelowski M. Sample Size in Qualitative Research. *Research in Nursing & Health*. 1995; 18 (2): 179–183. <http://dx.doi.org/10.1002/nur.4770180211>
- Sychev A.A., Fofanova K.V. Educational Diplomacy: Shaping a New Model (Based on the Interaction between Russia and Southeast Asia). *Integration of Education*. 2025; 29 (4): 610–625. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.029.202504.610-625>
- Talanov S.L. Export of Russian Higher Education as a Tool of “Soft Power”. *Social and Political Researches*. 2024; 1 (22): 68–83. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-68>
- Toporkova E.P., Chzhov L. Image of Russian Territories in China. *Regional Problems*. 2015; 18 (1): 48–51.
- Torkunov A.V. Education as a Soft Power Tool in Russian Foreign Policy. *MGIMO Review of International Relations*. 2012; 4 (25): 85–93.
- Vladimirova S.S., Sharri T.G. Cultural Codes of Russia in the Practice of Teaching Foreign Students. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2025; 217: 3–12. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2025-217-61-73>
- Yun L.G., Dubakov L.V., Dubakova A.A. Lingvodidactic Possibilities of Using Films in the Aspect of Teaching Russian as a Foreign Language to Chinese Students in a Non-Linguistic Environment. *Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*. 2025; 1: 3–11. <https://doi.org/10.24412/2225-8264-2025-1-944>
- Yunyushkina A.S. China’s Arctic Strategy: Foreign Policy under Xi Jinping (From 2013 to 2024). *Society: Philosophy, History, Culture*. 2025; 4: 204–210. <https://doi.org/10.24158/fik.2025.4.27>
- Zashikhina I., Griva O. Evaluating the Impact of Short-Term Russian Language and Culture Programmes on Adult Learners. *Training, Language and Culture*. 2024; 8 (4): 74–85. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2024-8-4-74-85>
- Zashikhina I.M. Media Image of the Arctic: Towards Qualified Human Resources. *Arktika i Sever [Arctic and North]*. 2024; 57: 115–135. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.115>
- Zeveleva E.A., Kokunov K.A. Soft Power as a Tool of Modern Russian Foreign Policy. *Human. Society. Inclusion*. 2024; 15 (2): 17–24. <https://doi.org/10.24412/2412-8139-2024-2-17-24>
- Zhang Yu., Kerimov A.A. “Soft Power” in China-Russia Relations: Directions and Implementation

- Mechanisms. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"*. 2024; 47: 100–110. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.47.100>
- Zinevich O.V., Selezneva N.V. China's New Soft Power Strategy. *MGIMO Review of International Relations*. 2022; 15 (6): 36–54. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-36-54>; <https://www.elibrary.ru/LWTBHQ>
- Zuenko I.Yu. Russia-China Partnership in the Context of US-China Rivalry: Search of Starting Point and Assessment of Prospects. *World Economy and International Relations*. 2023; 67 (11): 24–34. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-11-24-34>

Статья поступила в редакцию 29.03.2026; принята к публикации 20.05.2026

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов